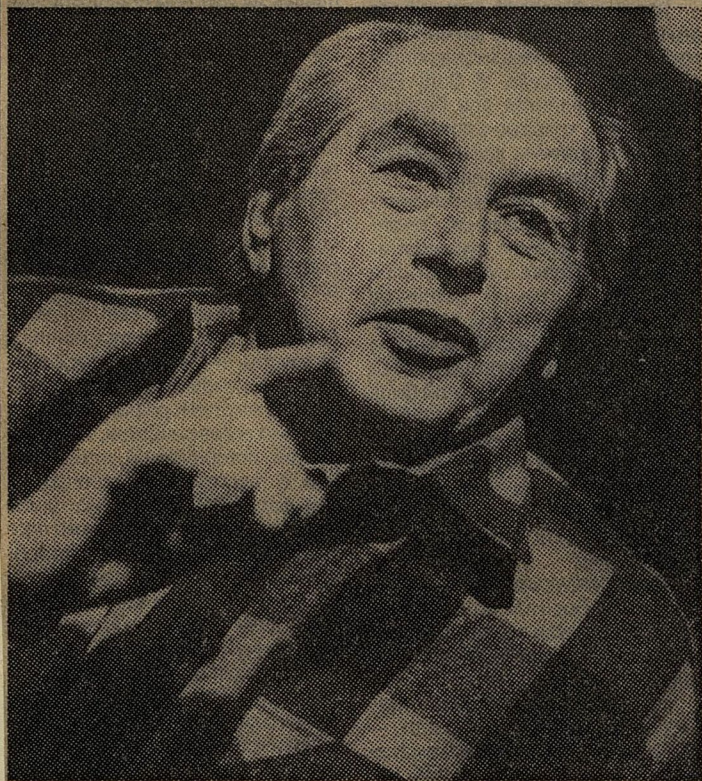

Игорь МОИСЕЕВ: Труд - 1996 - 20.01.96 - с. 1, 3

ЖИЗНЬ ВСЕГДА НОВА, ЭТО ПОВТОРЕНИЕ ПОПЫТОК

Сегодня знаменитому балетмейстеру — 90. И он продолжает активно работать — случай в мировом танцевальном искусстве уникальный

Непросто оказалось «поймать» Игоря Александровича, но наконец с энной попыткой мне улыбнулась удача. И вот уже сам прославленный глава прославленного ансамбля заботливо снимает с меня шубу в прихожей его квартиры, трогательно осведомляется на пару с очаровательной красавицей женой, не озябла ли я, ведет в просторный, но уютный кабинет...

Да, Моисеев верен себе. Как всегда, активен, несмотря на более чем солидный возраст: где еще вы видели балетмейстера, на пороге десятого десятка продолжающего вовсю работать с хореографическим коллективом? И как работать! Совсем недавно к добрым трем сотням танцев, поставленных Игорем Александровичем, присоединились новые — Греческая и Еврейская сюиты. Он сам показывает исполнителям на репетициях как надо танцевать...

(Окончание на 3-й стр.)

Жизнь всегда нова, это повторение попыток

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

Моисеев творил в самые разные времена. Но большая часть созданного им живет — будь то сверхпопулярные «Партизаны», обошедшие сцены всего мира, или спектакль «Вечер в таверне», или «Ночь на Лысой горе», или... перечислять бесполезно, все равно назовешь лишь ничтожную долю. Богатейшее многоцветье красок фольклора, подсмотренных в русской глубинке и аулах Кавказа, в украинских селах и кишлаках Средней Азии, в кварталах европейских городов и у жителей Южной Америки, Моисеев помножил на совершенную точечность классической формы. И в результате создал, без всякого преувеличения, новую область танцевального искусства — точно так же, как двести лет назад, отталкиваясь от народных традиций, великий Нoverр создал классический балет...

Но вернемся в квартиру на острове посреди Москвы-реки. Она и в самом деле остров — доброты, сердечности, которыми так выделяется дом Моисеева в нынешней малоуютной действительности. Игорь Александрович — необычайно приятный собеседник: изысканно-простой, притом галантный, даже куртуазный.

О его аристократизме я заговорила неспроста. Мать Игоря Александровича была наполовину француженка, наполовину румынка — что в сочетании с отцовской русской закваской дало удачный результат.

— Я вырос в интеллигентной семье, — начал Игорь Александрович. — Отец был юристом, окончил факультет правоведения Катковского лицея в Москве и философский факультет университета в Гейдельберге. С детства я — среди книг... Ну и школа Большого театра дала себя знать. За пятнадцать лет в этом коллективе мною поставлено много балетов, я ведь стал балетмейстером в двадцать четыре года. Второго такого примера вы, ручаюсь, не найдете. Обычно балетмейстерами становились, когда прощались с карьерой танцовщика. Под старость. Старое и несли в танец. Собственно, сегодня происходит то же самое. Консервативность одолевает.

— Вы ее лишены?

— Смею думать. Если даже были в моей работе недочеты, недостатки, так это мои недочеты и недостатки, а не повторение чьих-то прежних ошибок.

— Игорь Александрович, вас часом в амбициозности не обвиняли?

— В чем только меня не обви-

няли... Знаете, что я вам скажу? Амбициозны, как правило, люди не очень талантливые.

— Вам сильно мешали работать?

— Не то слово. Из Большого просто выжили. Вернее, я сам ушел, когда понял, что бороться с малоталантливым, а значит, завистливым окружением безнадежно. Так что мне карьеру пришлось делить дважды.

— Теперь уже от вашего ансамбля отпочковываются новые коллективы — как вы к этому относитесь, не ревнуете?

— Нет, это нормальная вещь. От каждого большого дела со временем что-то отделяется. Я желаю всем удачи.

— В следующем году Государственному ансамблю народного танца исполнится шестьдесят лет. Как долго, по-вашему, может вообще существовать подобный коллектив?

— Немирович говорил: «История театра — это история одного поколения». У МХАТа закваска оказалась крепкой, он продержался два поколения. Но танцевальный век значительно короче, и я не уверен, что ансамбль после меня продержится. История такого танцевального коллектива, как наш, измеряется жизнью того человека, который его создал, нашел новое направление. По наследству это не передается. Ведь чем мы сильны? Раньше народным танцем занималась только самодеятельность, а мы из него сделали искусство в полном смысле академическое. Потом появится кто-то другой и создаст свое, новое.

— Иногда о ком-то говорят: он родился актером или физиком, или поэтом. Вы родились человеком танца?

— Я — человек искусства. Если бы не был балетмейстером, мог бы стать художником, были у меня и такие способности. Попади я в драматический театр, был бы театральным режиссером, попади в кино — кинорежиссером. Но получилось так, как получилось. Думаю, это просто судьба такая.

— Качалов говорил о Станиславском, что у него страсть к искусству была столь всеобъемлющей, что поглощала даже страсть к женщинам. А как было в вашей жизни?

— Ну, не настолько поглощала, чтобы из-за этого становиться евнухом. Всего было в меру.

— Игорь Александрович, вы счастливый человек?

— Я счастлив тем, что попал на свою стезю. Думаю, одно из самых больших несчастий для человека — когда не любишь свою работу. Хотя мне довелось пережить

много трудностей и неприятностей. Окончил школу и попал в лишенцы — как сын дворянина. А быть лишенцем означало быть кандидатом в лагеря. Его величество Случай, который в моей жизни часто играл решающую роль, как-то помог выйти из этой трудной ситуации, каких было у меня в жизни немало.

Многие считали, например, что я любимец Сталина, и ансамбль считался «кремлевским» — действительно, ни один серьезный прием в Кремле без нас не проходил. Но я всегда держал дистанцию по отношению к властям. Политика в моей жизни занимала самое последнее место. Я никогда не был карьеристом в распространном смысле слова. Моя карьера — мой труд. Вот сейчас к юбилею вышла книга «Я вспоминаю», там и об этом, и о многом другом написано.

— Вопрос примелькавшийся, но всех волнующий: отчего мы так трудно и некрасиво (говоря о том, что творится кругом в многострадальном Отечестве) живем?

— Культура — основополагающая часть созидательного процесса в стране, а не какая-то отдельная, второстепенная область деятельности. Некультурный человек никогда не добьется ничего ни в экономике, ни в политике. Сейчас с особой ясностью видно: то, чему раньше не придавали решающего значения, оказалось, по сути, главным. Это — духовное начало. Уходит оно — и все пороки беспрепятственно завоевывают позиции.

— Значит, радужных прогнозов на ближайшее будущее вы не даете?

— Чудес не бывает. Чтобы произошли хотя бы малые положительные сдвиги, надо ждать минимум два поколения.

— Ждать?..

— Ну нет, конечно, и действовать тоже. Знаете, древние мудрецы говорили: «Ошибочно лишь прекращение усилий». Жизнь всегда нова, это бесконечное повторение попыток. И дай Бог, чтобы из ста хоть одна или две увенчались успехом.

Наша беседа закончилась. Но не закончилось общение с искусством Игоря Моисеева. Вот и на днях, 23 января, в Большом театре состоится праздничный вечер, посвященный уникальному юбилею живого бога хореографии. Будет показано лучшее из созданного им за долгую, долгую жизнь. Которая, слава Творцу, продолжается на высокой ноте созидания.

Наталья ЗВЕНИГОРОДСКАЯ.

Моисеев Игорь Александрович

20.01.96